

Алексей Загуляев

Ляда

18+

Алексей Загуляев

Ляда

«Автор»

2022

Загуляев А. Н.

Ляда / А. Н. Загуляев — «Автор», 2022

Андрей работает простым охранником в фирме "Литавр". У него размеренная жизнь, и всё идёт своим чередом. Но один день полностью всё меняет. От своего начальника Андрей получает задание поехать на болотную станцию и провести ночью в топях некий ритуал, который, по его убеждению, вернёт пропавшую в этих болотах его дочь. Андрей не может отказать, отправляется на станцию и становится участником невероятных мистических событий. В 2022-ом году повесть вошла в лонг-лист премии "Электронная буква" и в шорт-лист премии "Экранизация".

© Загуляев А. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Пять дней тому назад	8
Очень важное дело	13
Прибытие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Загуляев

Ляда

*Орхидея весной
белеет на голом утёсе
в зелени мха...
Иида Дакоцу*

Пролог

Майор милиции Дрёмов за рулём новенькой, до крыши забрызганной грязью «газели», остановился у неширокого моста, переброшенного через канаву. Дальше было уже не проехать, потому что и мост был узкий, и все свободные места за ним заняли милицейские легковушки, такие же грязные, но по-праздничному весело озаряющие предрассветную дождливую хмарь красно-синим светом мигалок. Он хлопнул дверью, выругался, прикрыл голову мятым чёрным плащом и быстрыми шагами, то и дело поскользываясь, прошёл к низенькому строению, дверь которого была приоткрыта. В тесной комнате сидели трое: Вера из следственного на тумбочке слева при входе (она внимательно листала какой-то блокнот), Генка из прокуратуры справа на столе у окна, свесив одну ногу и старательно заполняя протокол допроса, и, наконец, незнакомый парень в центре комнаты на табуретке, хмуро отвечавший на изредка задаваемые ему вопросы. Всё лицо его было исцарапано и местами в засохшей зеленоватой грязи, над бровью зиял глубокий, не успевший зажить шрам.

– Стало быть, – поздоровавшись с вошедшим майором, обратился к незнакомому парню Гена, – ты здесь только четыре дня?

– Да, – коротко ответил тот.

– А с соседом своим хорошо знаком?

– Второй раз в жизни сегодня видел.

– А чего вы ночью шарились по болотам?

– Говорю же, заблудился я ещё днём. Он искал меня и, к счастью, нашёл. Сами видели, на человека я был похож мало.

– Это да, – продолжая записывать, задумчиво промычал прокурорский, – это тебе, стало быть, повезло.

– Твои фантазии? – ни с того ни с сего вмешалась в разговор Вера, тыча пальцем в блокнот.

– Нет. Сменщика одного, до меня тут был. Там фамилия его на форзаце.

Вера посмотрела на первую страницу и заключила:

– По части ботаники интересно. Ла-бел-лум. Звучит! Но про мертвяков это он зря. Ни к чему.

– А Пётр Александрович Пратов твой начальник? – продолжал Гена.

– Да.

– И в каких вы с ним отношениях?

– В обычных, какие бывают между начальником и подчинённым.

– Давно ты у него в охране?

– Два месяца.

– Понятно, – Геннадий протянул протокол парню. – Ознакомься и распишись.

Тот, не прочитав, слегка дрожащей рукой нарисовал замысловатую закорючку и вернул бумаги.

Судя по всему, прокурорский был удовлетворён сделанной им работой, небрежно записав протокол в папку и улыбнулся, глядя на майора.

– Ну и чего с этим? – спросил Дрёмов.

– Думаю, не при делах. Если что, вызовем по повестке. Впрочем, ты не расслабляйся, – обратился он уже к парню, – и далеко от дома недельки две пока не уезжай.

Тот кивнул головой.

– А профессор что? – снова спросил майор.

– А профессора пакуем – и по домам.

– Ну наконец-то, – оторвавшись от тумбочки, облегчённо вздохнула Вера и бросила блокнот на кровать. – Кофе хочу. И спать.

– Противоречивая ты, Вера, – весело заметил Гена.

Блокнот ударился о подушку, и с неё на пол скатилась и попрыгала по половицам перламутровая божья коровка. Допрыгав до табуретки, она остановилась. Парень наклонился, поднял её, и лицо его то ли от этого резкого движения, то ли отчего-то другого залилось ярким румянцем. Он покрутил безделушку в руке и убрал в карман. По всему было заметно, что этой вещице он рад. Впрочем, вряд ли кто-то обратил на это внимание. Никому не хотелось больше тесниться в этой маленькой комнатушке. Да и на улице началась какая-то суета – заскрипели ворота, захлопали дверцы автомобилей, и какой-то зычный тенор провозгласил:

– Товарищ майор, кинологи прибыли.

– Ну слава яйцам, – пробормотал Дрёмов, и вся троица выскочила на улицу, оставив парня в одиночестве.

В этот момент к майору подвели человека в наручниках. Это был на вид средних лет седовласый мужчина в резиновых сапогах и мокром тёмно-синем плаще.

– Этого в вашу?

– Да. Всё, погнали. Вера, Гена. Вперёд. Пусть собаки работают. Павленко! – крикнул Дрёмов в сторону кинологов.

– Да, товарищ майор.

– По результатам отзовись Кликову. Я сегодня не на связи.

– Понял, товарищ майор.

Заворчали моторы, захлопали по лужам колёса, последние крики затихли где-то вдали. Дождь перестал моросить. Солнце бледным пятном проглянуло сквозь пелену ватных туч на востоке. В комнате остался один единственный человек. Он устало улыбался и трогал пальцами карман, куда положил перламутровую находку, словно боясь, что она вот-вот исчезнет. Ах, если б кто-нибудь знал, что в этот момент это был самый счастливый человек на всём белом свете.

Но ещё пять дней тому назад всё было совершенно не так...

Пять дней тому назад

– Я где-то читала... Не помню только уже где... Ты представь, есть миры, где время течёт несколькими параллельными потоками. Их там реально много, этих потоков. И люди, которые там живут, могут в этих потоках перемещаться туда-сюда. И миры эти с нашим миром тоже как-то связаны. Так вот, смотри... Я, допустим, здесь ещё жива, а там, у них, в потоке будущего, уже давно умерла. То есть получается, что меня как бы сейчас две – я и тут есть, живая, и там тоже есть я... ну типа давно мёртвая в нашем мире. Тьфу, тьфу, тьфу... Ты вообще слушаешь?

– Угу.

– Что за угу? Ты представляешь себе?

– Представляю.

– И как ты себе это представляешь?

– Да чего как... Всё просто. Эти потоки с будущим и с прошлым существуют только для них. На нас они никак не влияют. Нет там тебя в будущем. Вообще нет. Вот и всё.

– Это почему же они на нас не влияют? Я же говорю, что эти миры связаны. Я не могу не быть там, если здесь меня уже нет.

– Ну если уж прямо сильно связаны, то...

– Что то?

– То... наверное, тут какая-нибудь квантовая запутанность.

– А попонятнее.

– Попонятнее не могу. Но чувствую, что собака зарыта где-то в этом районе.

– Ну ты засранец, Меретин.

Андрея словно толкнули в спину. Он с трудом открыл тяжёлые, опухшие после вчерашней вечеринки веки, попытался напрячь последние оставшиеся в строю извилины, и тут же покрылся холодным потом. Чёрт! Этот разговор был реален или просто приснился? Вот бы только приснился! И дело не в том, что ему не нравился разговор. Вполне себе нормальная тема при первом свидании. Но вот собеседник... Это была Лера? Если так, то он по-крупному влип. Даже не то чтобы влип, а на целых процентов этак на восемьдесят может считать себя отныне покойником! И никакая квантовая запутанность не поможет.

В фирме «Литавр» Андрей работал охранником третий месяц, с апреля 1997-ого года. И всё вроде шло хорошо – нормальные смены, приличная зарплата, сменщики тоже толковые, – но вот вчерашний вечер всё, кажется, перевернул с ног на голову. Смену Андрей начал, как обычно, в 20:00. Но к девяти вечера стали вдруг собираться люди из начальства по поводу какого-то им одним понятного события. Явилась в числе гостей и Валерия, молодая жена начальника, Петра Александровича. Все звали её Лерой. Так и Андрею она представилась, когда в первый раз зашла к нему стрельнуть сигаретку и молча её выкурить прямо тут же, в его охранной каптёрке с тусклым чёрно-белым монитором, по которому нужно было следить за внутренним двором. Андрей читал Достоевского, изредка поглядывая на экран. Вернее, в присутствии Леры только делал вид, что читал, потому как затянувшееся на пять минут молчание висело в прокуренном воздухе, словно туча, готовая вот-вот разразиться градом. За эти пять минут Андрей перебрал в голове семь тем, с которых можно было бы начать разговор, но ни одна из них не показалась ему уместной в текущей обстановке. К тому же Лера была девушкой очень красивой, и это смущало его, возможно, даже больше, чем наэлектризованная тишина. Было заметно, что Леру всё это забавляет. словно бы она вполне понимала смятение Андрея и молчать продолжала не из отсутствия интереса к собеседнику, а исключительно из любопытства – чем же всё это закончится. Закончился перекур самым банальным образом –

Лера выдохнула последнюю струйку дыма, придавила в пепельнице окурок и, приподняв двумя когтистыми пальчиками обложку Андреевой книги, загадочно улыбнулась и, так и не проронив ни слова, вернулась к гостям на второй этаж.

Андрей почувствовал себя идиотом. Да и на обложке, будто подтверждая его статус, красовалась именно эта надпись – «Идиот». Он ещё раз перевернул книгу. Да, написано. Странно было бы, если б надпись вдруг взяла и исчезла. Надо было просто спросить, по какому поводу банкет. Вот же засада... В голову такие очевидные темы почему-то в присутствии Леры придти не пожелаали.

Пока таким образом Андрей занимался самобичеванием, прошло, судя по всему, довольно много времени, потому что на пороге вдруг снова нарисовалась Лера. Раскрасневшаяся от вина и от танцев, она улыбалась уже довольно простой искренней улыбкой и, чуть наклонившись в дверном проёме, в этот раз решила заговорить первой:

– Андрей, не желаешь присоединиться к нашей компании?

Вопрос застал Андрея врасплох. Стараясь обдумать надлежащий ответ, он долго рассматривал наручные часы, силясь понять сколько времени прошло с начала его смены. Но и циферблата он почему-то не видел, и мысли все, как одна, из головы испарились. С мыслями сегодня не комильфо.

– Не положено, – получилось как-то само собой. Наиглупейшее из всего, что он вообще мог сказать.

– Да забей, – не обращая внимания на румянец, покрывший лицо Андрея, настаивала Лера. – Всего на пару часов. К тому же в твою задачу входит и выпроводить нас отсюда в четыре часа ночи. Или утра. Да неважно. И кстати, на территорию пробралась коза. Уверена, что ты её даже не заметил. Твой прокол.

– Какая коза?

– Обыкновенная. Пошли. Никуда твой Достоевский не денется. Сам увидишь. Я не шучу.

Если бы голова соображала, как в любой обычной ситуации, то он непременно нашёлся бы, как вежливо отказаться от приглашения. Но уже дважды опростоволосившись перед красавицей Лерой, Андрей не хотел окончательно пасть в собственных глазах и в глазах новой знакомой.

– Хорошо, – почти простонал он, закрыл книгу, на всякий случай взглянул на монитор и поплёлся за девушкой, медленно приходя в сознание. Коза. Что ещё за коза? Приколы что ли такие? Не к добру всё это. Ещё раз посмотрел на часы – час двадцать пять. Полсмены уже позади.

Новому гостю все оказались как-то подозрительно рады. Уже довольно подвыпившие и уставшие от однообразных танцев, они стали придумывать конкурсы, один странней другого.

Конкурс под названием «Толстощёкий губошлёп» Андрея изрядно повеселил. В нём участвовали двое: зам директора (парень лет тридцати, длинный и худой, в огромных тёмно-жёлтого цвета башмаках) и инженер, совершенно лысый, толстый и на вид лет сорока пяти. Не понятно, в какой отрасли он был инженером, но все его так называли, и он был не против. Главным затейником и автором конкурсов выступал менеджер, мужчина чуть постарше и ростом пониже зама. В этом конкурсе нужно было класть в рот по одной карамельке и при этом чётко произносить «толстощёкий губошлёп», затем ещё карамельку – и снова декламировать эту фразу. Победить должен тот, кто больше соперника сможет набить рот карамелью и при этом смешнее него «прогубошлёпить». Все были в восторге, наблюдая за состязанием. Особенно оживлённой была Лера. Она прыгала и хлопала от удовольствия в ладоши, бросая в сторону Андрея короткие многозначительные, как ему показалось, взгляды. Болела она за Инженера, но, ко всеобщему удивлению, победу одержал зам. Потом по залу расставили в ряды пустые бутылки и заставили женщин (их было на два экземпляра больше, чем мужчин) с завязанными глазами старательно вышагивать, не задевая препятствие. Смешным было то,

что бутылки постепенно и незаметно убирались, пока в конце концов женщины, похожие на сомнамбул, не продолжали нарезать аккуратные зигзаги, всё ещё боясь зацепить бутылку. За самую грациозную походку и улыбчивую невозмутимость победу единогласно присудили Лере.

До поры до времени Андрею удавалось оставаться в стороне, пока очередь не дошла до главного события этой ночи – выбора мужчины года. Андрей в этой компании был четвёртым мужчиной, помимо троих, описанных выше. В этот раз увильнуть у него не получилось. Женщины сгруппировались в отдельную группу наблюдателей и всем четверым мужчинам выдали по совершенно одинаковой морковке и выстроили их в ровную шеренгу у противоположной к окнам стены. Через минуту из боковой двери технического помещения в зал вывели ту самую козу, о которой говорила Лера и о которой Андрей успел к этому времени позабыть. И что, только ради этого его сюда и позвали? Над троими поиздеваться не так весело? Понадобился четвёртый? Впрочем, выходило действительно потешно, хотя Андрей до сих пор даже не пригубил вина, которым его постоянно потчевали. Мысль о том, что, несмотря на всеобщую дружескую атмосферу, он всё-таки на службе, не отпускала его. Время шло быстро, перевалив далеко за положенные четыре утра. Козу подвели к зашторенным окнам и предложили выбрать понравившуюся ей морковку. При этом мужчинам запрещалось какими-либо знаками приманивать животное именно к своему лакомству. Говорить тоже запрещалось. В помещении воцарилась полная тишина. Коза подумала немного, подёргивая чёрно-белыми боками, и посмотрела на Раису Михайловну из отдела кадров. Та одобритительно кивнула. Воодушевлённая этим коза зацокала копытами по паркету. И... О Боже! Она направилась напрямик к Андрею. «Нет, нет, нет, – взмолился про себя Андрей, – иди к лысому. Этого мне ещё не хватало». Но мольбы его никто не услышал. Коза аккуратно вынула морковь из руки Андрея и с аппетитом схрумкала её за считанные секунды. Вокруг загоготали, заулюлюкали и разразились аплодисментами. С ума сойти. Какой бред. Каждый год начальство проводило этот конкурс, но изнутри всю процедуру Андрей, разумеется, ни разу не видел. Внизу, в коридоре, ведущем к кабинету директора, всегда красовался в течение года чей-то портрет. Сейчас там висел портрет Инженера. И вот теперь целый год он вынужден будет смотреть на себя. Как-то не сильно это хорошо. Охранник... Мужчина года. Напарники замучают с расспросами и долго будут над ним потешаться. Андрей без особого энтузиазма подхватит общий смех, погладил козу и теперь намеревался выпить со всеми, чтобы в голове уложился весь этот ночной сумбур.

– За мужчину года, – Лера, держа в руках пухлый бокал, решила лично поздравить Андрея, когда у шведского стола он выбирал для себя вино. – Попробуй вот это, – она указала на цветастую бутылку *Rojo Amargo*.

Андрей послушно налил себе, и они чокнулись. Вкус у вермута действительно оказался приятный.

– Обычно Дашка выбирает Инженера, – залпом опустошив бокал, сказала Лера.

– И как же Дашке незамеченной удалось проникнуть на объект? – любопытство Андрея было чисто профессиональным, но вообще он был рад, что смог наконец говорить с Лерой самым естественным образом.

– Всё тебе расскажи, – Лера снова наполнила свой бокал. – И за знакомство.

– За приятное знакомство, – решил добавить Андрей.

Потом поступило предложение выпить за Дашку, потому что она милая, дальше – за бедного Инженера, обделённого этой ночью её вниманием, за само внимание, потому что в наше время так его не хватает, и наконец за мир во всём мире, ибо от этого отказаться никак нельзя. Таким образом они прикончили *Rojo Amargo*, *Blanco Reserva* и *Dorado Amargo Suave*. Сколько всё это продолжалось, сказать трудно. По крайней мере, гости стали уже расходиться, кто парами, кто по-одиночке, пока Андрей с Лерой не остались одни. И Лера была сильно пьяна.

Всего этого Андрей Меретин ещё не успел вспомнить, покрывшись от внезапной догадки холодным потом. Его снова толкнули в спину. В этот раз уже точно наяву.

– Меретин.

Да, это был голос Леры. Сомнений не оставалось. Какого чёрта он вызвался доставить Леру до самой её кровати в квартире на сорок седьмом этаже в доме на Бахметьевской?! Она порывалась сама сесть за руль своего ядовито-зелёного «Пежо», а из тех, кто мог бы её отговорить от такого безумия и вызвать такси, остался лишь он один. У Леры имелась собственная квартира, личное, так сказать, пространство, временами необходимое после очередных ссор с супругом. Память короткими вспышками начала возвращаться. Их кто-то видел вместе? Только сменщик. Но как-то странно он ухмыльнулся, глядя, как Андрей усаживал Леру на заднее сиденье автомобиля. Потом в подъезде у лифта встретился какой-то благообразного вида старичок. Поздоровался с Лерой. И всё. Кажется, больше никто не видел. Да может, тут вся квартира утыкана видеокамерами? Или микрофонами, например. Откуда ж ему знать. А между ними что-то было? Он изо всех сил напрягал память, но в голову лезли только эти дурацкие беседы о параллельных потоках времени. А секса он не помнил. И как-то вроде до самой Лериной квартиры был он почти совершенно трезв, и вдруг резко так нахлобучило. А Лера, наоборот, в одно мгновение словно бы протрезвела. Странно всё это. Очень странно. Так был секс? Нет. Кажется, не было. Или был? Андрей не то чтобы трусил. Но Пётр Александрович – человек реально суровый. Узнай он, что Андрей переспал с его женой – и это неминуемая смерть. Без всяких преувеличений. Когда-то кто-то из умных и начитанных прозвал его Торквемадой. Так все за глаза и говорили, когда речь заходила о директоре. Ещё был он контуженным краповым беретом. Будто бы полгода после ранения на какой-то из заграничных войн провалялся в госпитале, а потом был комиссован на вольные хлеба. В начале девяностых организовал швейный бизнес и дань никому не платил. Много было желающих эту дань с него поиметь, и поговаривали, будто бы эти мытари частенько пропадали где-то в далёких болотах, владельцем которых тоже был Торквемада, наверное, в перспективе думая добывать там торф. И не только мытари. Но и любовничек один Леркин якобы тоже ушёл за грибами и не вернулся. Кстати... Кажется, даже именно тот умник, который и обозвал Петра Александровича инквизитором Торквемадой.

– Меретин, – снова заговорила Лера, уже тихо и без раздражения. – Я же чувствую, что не спишь. Вспомнить силишься, как это так с тобой вышло? Не ссы, Меретин, ничего не было.

Андрей повернулся на спину и, корчась он боли, посмотрел в сторону Леры. Одеяло прикрывало только её ноги. По пояс она была голой и глядела насмешливо и туманно. Её подёрнутое ровным загаром тело излучало теплоту и негу.

– Извини, – проскрипел он, испугавшись и собственного голоса.

– Забавный ты. За что извинить?

– Да не знаю. Просто. Я не должен был, наверное...

– Тс-с, – Лера прислонила тонкой палец к его губам. – Я так хотела. Тебе не о чем переживать. И о Петре не думай. Я понимаю, что он на всех ужас наводит. Ты же не думаешь, что я совершенно безответственный человек?

– Не думаю. Я сейчас вообще думать не могу.

– Вот и хорошо. У него сейчас другие заботы. Дочка пропала.

– Я слышал. Заблудилась на болотах?

– Хорошо, если только заблудилась. Пётр сам не свой. Неделю не отходила я от него, маялись вместе. А как пить начал – караул. Сама сбежала. Так-то он давно в завязке, ещё с контузии. Но коньяк и раньше действовал на него как озверин, а теперь и вовсе крышу сносит, что-то среднее получается между свиньёй и драконом. Я напиток хотела тоже, только без него, в весёлой компании. Понимаю, что как бы нехорошо всё это. Но повеситься от тоски не лучше.

А у тебя в камерке как-то вдруг полегчало. Даже не знаю почему. А секса правда не было. Хотелось сначала. Но потом посчитала, что это уже слишком. А ты такой паинька был. Особо и не настаивал.

Лера коротко рассмеялась и потянулась к тумбочке за пепельницей и сигаретой. Одеяло медленно сползло с неё на пол. Но это её нисколько не смутило. Она положила пепельницу, изображающую спрута, обхватившего щупальцами чашу, себе на живот, чиркнула спичкой, и всё тело её от соприкосновения с холодным малахитом покрылось мурашками, и даже нежно-розовые соски сжались и напряглись. Боль медленно уходила у Андрея из головы. Теперь он просто любовался Лерой, позабыв на несколько минут, пока она курила, о страхе. Скользя взглядом по её вальяжной фигуре, он наткнулся на глаза спрута, которые смотрели прямо на него. Их было четыре, и они не обещали ничего хорошего.

– Мне пора идти, – встрепенувшись, сказал он.

– Не возражаю.

– Только один вопрос можно?

– Валяй.

– Мы вчера разговаривали с тобой о временных потоках?

– О каких потоках? – рассмеялась Лера.

– О временных. Ну там будущее, прошлое, другие миры, всё такое.

– Ну ты, Меретин, даёшь. Я хоть и выпила изрядно вчера, но не до такой же степени.

Всё-таки чудо ты, Андрей, ещё то. Но это классно. Спасибо, что был со мной. Пока.

И она поцеловала его в нос.

Очень важное дело

Андрей сидел в мягком, слегка обшарпанном кресле, в своей скромной холостяцкой квартире, погруженный в безотчётные мечты о Лере. В голове крутились полумысли и полуобразы, и ухватить их целиком, чтобы рассмотреть ближе, возможным не представлялось. Дымчатое, пастельное женское тело трепетало, распростёртое на кровати, больше походившей на снежную долину в сероватых оврагах и ослепительно белых холмах. И стоило только сознанию уцепиться за какие-то нюансы – окаменевшие от ветра соски или беззащитную ямку на гладко выбритом лобке, – как тут же появлялся гигантский спрут, облепленный болотной тиной, и с жадностью пожирал картинку, превращая её в бессмысленный набор разноцветных пикселей, хаотичных, как новогоднее конфетти. От неудовольствия этим Андрей хмурил брови и мысленно отгонял спрута, но тот внимания на него не обращал. От этой сладко-горькой неги его пробудил телефонный звонок. Он вздрогнул, нехотя выскреб себя из кресла и поплёлся в коридор к аппарату, по дороге потеряв одну тапку.

На другом конце линии оказалась Раиса Михайловна, владелица злополучной Дашки и по совместительству начальник отдела кадров.

– Андрюшенька, – протяжно проговорила она. – Слушай, дружок. Я всячески извиняюсь. У тебя сегодня выходной, но будь друг, сделай доброе дело. Пётр Александрович попросил...

В груди у Андрея похолодело. Сердце застучало так громко, что стук этот, казалось, могла слышать даже Раиса Михайловна.

– Андрюша, ты ещё здесь? Алё...

– Да, да, – только и смог выжать из себя Андрей.

– Так вот, Пётр Александрович просил, чтобы ты встретился с ним. Ты знаешь кафе «Лаванда»?

– Знаю.

– Приходи туда к двенадцати. Он будет ждать тебя там. Увидишь. И Андрей... Слушай. Это важно. Очень важно. Я по интонации Александрыча знаю, когда о чём-то важном он говорит. Ты всё понял, Андрюш?

– Да, Раиса Михайловна, всё понял, – стараясь сдержать дрожь в голосе, ответил Андрей. – В двенадцать буду. Не беспокойтесь.

Оглушая притихшее вдруг пространство, в трубке неистово и противно звучали короткие гудки. Андрей продолжал держать её в руке, уже минут десять стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться, только накручивал на палец мягкую спираль телефонного провода. И кто же нажужжал Торквемаде? Сменщик? Старик у лифта? А может, видеорекамеры и в самом деле были? А если сама Лера? К чему эти её слова о безответственности? Может, возомнила себя Клеопатрой и из маниакального удовольствия жонглирует человеческими судьбами... Нет. Лера не могла. Лера – она... А что Лера? Откуда он о ней вообще что-то знает? До вчерашней ночи видел её мельком пару раз. И вот вчера эта её неотвратимая... Неотвратимая... Андрей не мог подобрать существительного к этому неотвратимому. Красота? Прелесть? Да. Скорее прелесть. Прельстился этим её пастельным муаром, этим спрутом на упругом, ритмично вздымающемся животе. И вот она, расплата за его слабость, за тупость его, за слабоволие. Слабоумие – вот это будет точнее. От злости на самого себя Андрей пнул ногой воздух, так что вторая тапка, кувыркаясь, улетела в комнату, опрокинув с журнального столика стакан с недопитым лимонадом. Однако пора было уже собираться на встречу со своей незавидной судьбой.

Кафе располагалось на углу Беркутова и Самоглинной, минут пятнадцать пешком от дома. Андрей то ускорился, боясь опоздать, то останавливался, краешком ума подумывая вернуться назад или даже вообще сбежать куда-нибудь на край света. Вот на Памир, к примеру.

Там не найдут. Ругая себя за трусость и малодушие, он снова продолжал путь. И в конце концов опоздал на целых десять минут.

Пётр Александрович, в странном на фоне этой забегаловки белом костюме, сидел в самом дальнем углу, в окружении свободных столов с искусственными букетиками в тяжёлых квадратных вазах. «Такой вазой, пожалуй, и убить можно», – пронеслась в голове мысль. На стене за его спиной яркими красками были нарисованы преувеличенные заросли толстого бамбука. В одной руке он держал стакан с водой, а в другой почти потухшую сигару, и неподвижным взглядом упирался в пустой стул напротив. Андрей последний раз потоптался, всё ещё хватаясь подсознательно за идею о бегстве, и, собрав остатки мужества, направился в глубину зала.

– Здравствуйте, – выдохнул он, поравнявшись с Торквемадой.

Тот поднял глаза, пару секунд соображал, кто это перед ним, а затем сигарой указал на вдоль и поперёк просверленный взглядом стул. Андрей сел.

– Привет, Андрей.

Голос начальника показался Андрею вполне доброжелательным.

– Тут дело такое, – продолжал директор. – Как бы сказать... Не совсем обычное. Даже совершенно необычное. Возможно, ты в конце концов согласишься к тому, что я сошёл с ума. Но... В общем, выслушай меня внимательно и не перебивай пока. Хорошо?

– Хорошо, – тихо произнёс Андрей, удивляясь столь неожиданному повороту событий. Таких синтаксических оборотов он раньше никогда от Торквемады не слышал. Отчего бы это ему склоняться?

– Одиннадцать дней назад у меня дочь пропала. Думаю, что ты слышал об этом. Слышал, да ничего, уверен, толком не знаешь. Отсюда километров двести до болотной станции, которую я купил несколько лет назад. Угораздило меня. Орхидеи. Все ведь думают, что это заморские такие цветы. Но растут они и на наших болотах. Красота. Дёшево и сердито. Вложений вроде немного, а отдача большая. Пару последних лет дела с орхидеями очень хорошо шли. Я даже подумывал расширяться. Научных опять привлёк к исследованиям. А то ведь в начале девяностых позабросили все болотные станции, прям вместе с цветами и оборудованием. Оборудование, как понимаешь, на лом растащили, а за цветами ходили знающие ушлые ребята. Многие из них там, в болотах, и оставались навеки. Н-да... И вот дочке моей сильно захотелось посмотреть, как растут эти самые орхидеи в естественных, так сказать, условиях. Ребёнок. Через месяц должно было бы семнадцать исполниться. Вот и взял её на свою голову. На станцию эту. Дядя Боря, из научных он там один, везде, где безопасно и проверено, сводил её типа на экскурсию, всё показал. Когда дело уже под вечер шло, мы поужинать собрались перед обратной дорогой. Сели, а Аси нет. Дочку мою звали так – Ася, Настюша.

Пётр Александрович запнулся и замолчал на секунду. Андрею показалось, что запнулся он потому, что сказал о дочери в прошедшем времени – «звали».

– Ну, в общем... – продолжил он, взяв себя в руки, – стали искать. Но без толку. Всю ночь по болотам ходили с фонарями. Местных из соседней деревни на поиски привлекли. Когда рассвело, на вертушке облетели всю заболоченную зону. Ничего. Надеялся только на то, что забрела в деревню и там как-то потерялась. Главное, чтобы не в болотах. Дня через три из жителей кто-то будто бы даже видел её на лесной опушке. Два дня лес прочёсывали. И опять впустую. И вот... Может, кофе тебе заказать или чего покрепче? Сейчас самое трудное для понимания будет.

В горле у Андрея действительно пересохло. Но от напитков он отказался, всё ещё продолжая думать, что причиной их разговора каким-то образом является, как ни крути, Лера. Даже в пересохшую глотку он не смог бы влить в таком состоянии ни капли жидкости.

– Ну как знаешь, – тем временем продолжал Пётр Александрович. – А то я смотрю, ты совсем бледный какой-то. Ты вообще здоров?

– Здоров. Просто спал плохо.

– Это хорошо, что здоров. Потому как ты мне здоровый нужен и в полной моральной готовности. Когда Валерка от меня убежала... Ну, жена моя вторая. Я же пить начал... Понимаю, пьяный я сам не свой и почти даже не человек. Правильно и сделала, что убежала. Вот в ту же ночь, как она оставила меня одного в доме, сон мне приснился. Я бы даже сказал, что это не совсем сон. Всё было как бы наяву. Понимаешь? Как бы! И не белая горячка это. Знаю по собственному опыту, отличу как белое от чёрного. Поверь, Андрей. Просто поверь. Это важно. Вот и снится мне Настя моя. Сидим мы, значит, в сторожке на болотной станции и жижу зелёную из стаканов гранёных пьём. На щи похожа, но по вкусу как фанга. И рассказывает она мне странную историю. Про тебя.

У Андрея округлились глаза. Он чувствовал, что внутренне рассыпается на кусочки. Пытаясь воссоздать свою цельность, он представил Торквемаду старой пандой в бамбуковом лесу, в белом костюме и с сигарой в руке. В детстве у него получалось успокаивать себя такими фантазиями, если что-то начинало выходить у него из-под контроля. Только на шерстистую морду никак было невозможно приладить шрам, который украшал левую скулу настоящего Петра Александровича. Шрам хоть и банальный, но без него директор никак Андрею не представлялся.

– Ведь ты же не мог знать Асю, так ведь? – спросил директор, уставившись на Андрея немигающими глазами. – Андрей, ты меня слышишь?

– Да, да... Нет. Не мог, – совсем потерявшись, ответил Андрей.

Торквемада покачал головой:

– Вот и я слушаю её и удивляюсь. Но не перебиваю. Ты, говорит, вели Андрею, охраннику вашему, на болотную станцию прибыть и кресты установить вглубь болот от сторожки, в пятистах метрах друг от друга. Три креста. И как последний крест установит, то тут же и найдусь я. Это она мне так говорит. Понимаешь? Бред ведь полный, согласишься. Я и сам, как отошёл только от этого полусна, подумал, что бред. Весь день из башки это у меня не выходило, но не так чтобы по-настоящему, больше как навязчивая идея. Всякого я, конечно, повидал в жизни. И наслышан был ещё и не о таком. Но чтобы поверить в подобное, когда оно с тобой происходит, это, знаешь, трудно очень. На следующий день я к спиртному больше не прикладывался. Как отрезало. Держу рюмку, а она то жжётся пламенем, то будто бы жидким азотом её наполнили. Спать ложился, как на свидание шёл. Жду. И находит на меня опять эта мара, не явь и не сон. Снова с Асей сидим в сторожке, и она меня уже попрекает. Ты, говорит, не веришь мне, а между тем выхода у тебя другого нет – либо найдёшь меня тем способом, о котором я тебе говорила, либо всю жизнь совесть глодать будет и до костей изложет. И я соглашаюсь с ней. Слово даю. А мне, знаешь, что в дурмане, что наяву – слово дал, значит сдержи. Никому я про наши эти две встречи с Настей не рассказал. Вот кроме тебя сейчас. Была бы Лерка рядом, ей бы наверняка проболтался. Но хорошо, что не было её. Не знает – так оно и лучше и для неё и для меня. Подумал я, что если это между нами с тобой только останется, то что я теряю? Ничего. А если шанс найти дочку, как она обещала, хоть на десятую процента существует в природе, пусть даже в природе нам непонятной, то им следует воспользоваться. Вот так я подумал. И вызвал тебя на встречу.

У Андрея наконец отлегло от сердца. Сейчас он готов был даже пойти на поводу у сумасшествия Торквемады, лишь бы точно знать, что причина этой встречи не в Лере. Даже бледность спала с его лица. Он стал розовым, и захотелось кофе.

– Можно, я кофе?

Директор громко свистнул, подзывая официанта. Тот объявился мигом, будто всё время ожидал этого свиста, и, получив распоряжения, таким же образом растворился. В повисшей паузе стали различимы голоса других немногочисленных посетителей: влюблённая парочка ворковала слева у окна; ещё дальше смеялся ребёнок, уронивший на пол вилку, которая зазве-

нела неестественно громко; через два столика позади грузный мужчина с мокрым от пота лбом неприлично хлебал суп... А вот и кофе. Слава Богу. А то как-то неприятно въедались все эти посторонние звуки в мозг, сбивая с очень необходимых в эту минуту мыслей. Андрей сделал большой глоток, наполовину опустошив чашку. Вкус показался каким-то странным, но приятным.

– Ну так что скажешь, Андрей? – наконец заговорил директор, чёрными, как бездна, глазами глядя на Андрея испытующе, словно ища слабость или изъян.

– Это, конечно, всё странно, – осторожно подбирая слова, проговорил Андрей. – Но я вижу, что для вас это важно. Я сочувствую вашим обстоятельствам и со своей стороны попробую сделать так, как вы говорите.

– Ты, Андрей, не просто попробуй. Ты, брат, сделай. Ты меня знаешь. Коль сможешь – заплачу сколько скажешь. Сколько хочешь за помощь?

– Пётр Александрович, не думаю, что уместно сейчас про деньги. Давайте это как-то после.

– Нет, не после. А прежде. Десять лямов тебе заплачу. Слово даю. Десять. Если дочь моя отыщется. А если живая отыщется, то двадцать. И молчи. Не говори ничего. Я сказал. Значит так и будет.

И хотя про деньги Андрею действительно думать было неприятно, всё же бессознательно он перевёл сумму в доллары. Получалось что-то около тысячи семисот баксов.

Голос Торквемады становился всё жёстче, и понятно было, что никаких возражений он уже не примет:

– Но смотри... Если сбежишь, найду и закопаю в том же болоте. Извини, что так грубо. Но пусть не останется между нами никаких недомолвок. Слова твои я понимаю как согласие. И хотя рано благодарить тебя, всё же спасибо пока и на этом. И за сочувствие тоже спасибо. Ещё один нюанс. Стоит о нём упомянуть, чтобы ты заранее был готов. Кресты надо ставить ночью. Как только луна взойдёт, так и выдвигайся в болота. На станции ты найдёшь все необходимые инструменты. Фонари там, само собой, тоже есть и аккумуляторы. Запасов еды на месяц. Во времени ты ограничен до второй лунной фазы. То есть неделя у тебя есть, начиная от полнолуния. И само собой, никому ни слова. Дядя Боря пробудет с тобой только в первый вечер, потом уедет, чтобы никого ты своими действиями не смущал. Он тебе расскажет в общих чертах о болотах, инструктаж проведёт. Слушай его внимательно, потому что по минному полю ходить будешь. В переносном, конечно, смысле. Деревня там на отшибе, метрах в ста пятидесяти от сторожки, но деревенских немного и не особо они любопытные, мешать не будут. Могут навеститься за орхидеями сталкеры городские. Их шуганёшь, если случится такое. Там дробовик в сейфе. Вот ключи от сторожки и от теплицы. Карта вот ещё – как добраться от шоссе. Вдоль ЛЭП лучше идти. Код от сейфа 0301. В остальном разберёшься на месте. Завтра прямо с утра и выдвигайся. На сто тридцать пятом маршруте. Вроде всё. Да... Ещё вот карта телефонная. В деревне телефон только на почте. Но почтальон там, имей в виду, сильно пьющий, на месте его застать не всегда возможно. Звони только в экстренном случае, зря нервы мне не мотай. Всё тебе ясно?

– Всё ясно, – голос Андрея проскрипел, как старая дверь. Мысли снова смешались в голове, так и не успев оформиться ни во что членораздельное. Минутное его успокоение улетучилось без следа, оставив в душе какую-то мерзкую слякоть и предчувствие неизбежной беды.

Обратно он шёл уже медленно, без остановок, заново прокручивая в голове состоявшийся разговор. Три креста... Пятьсот метров друг от друга... Вспомнился сюжет гоголевского «Вия» и незавидная судьба главного героя. Как там его звали? Микула? Микола? Нет, нет... Хома. Точно, Хома Брут! Вот типа теперь он Хома, а дочка пропавшая, получается, панночка. А Александрыч – воевода польский. Ну, по части суровости на воеводу он запросто тянул. Но вот с панночкой дел Андрей никаких ранее не имел и уж тем более не седлал её, летая над

ночными степями. С каждым шагом голова всё более тяжелела, мысли сопротивлялись. Очень сильно захотелось спать. Столько переживаний за последние двадцать четыре часа. Надо успокоиться. Всё ведь хорошо. Лера тут ни при чём. «А тебе, дураку, это будет наказанием за идиотский поступок. И поделом».

Он присел на пустующей остановке, чтобы покурить. Достал сигарету, щёлкнул зажигалкой – и словно в пропасть провалился в одно мгновение.

Прибытие

Раздрыганная маршрутка еле-еле тащи́лась, но из-за шума и скрежета, который она производила, казалось, что ехали очень быстро. За окном мелькали чёрные проплешины выжженной травы на полях и однообразные сосны; сквозь кроны их пробивалось слепящими лучами утреннее майское солнце; пышные иглы делались от этого чёрными и мрачными, вкуче с палом слегка портя радостное впечатление от начинающегося лета. Из-под ног пыхало почему-то жаром, а сверху, из приоткрытого люка, прохладный ветер нахально трепал на голове чёлку. После вчерашнего обморока на остановке Андрей чувствовал себя совершенно разбитым. Прежде никогда такого с ним не случалось. Нервы окончательно сдали. В сумасшествии контуженного сомневаться не приходилось. Но, с одной стороны, он продолжал чувствовать себя виноватым, а с другой, Александрыча было по-человечески жаль. К гадалке не ходи – дочь пропала с концами. Сгинула в этих болотах. Андрей содрогнулся. Картины в голове рисовались одна страшнее другой. Успокаивало лишь то, что всего-то недельку надо перетерпеть. Завтра, двадцать второго мая, будет полнолуние. Специально купил в книжном лунный календарь огородника, чтобы наверняка удостовериться. Поставить три креста, пусть даже и не за три дня, а, скажем, за пять... Да даже пусть и за семь. Что тут может быть такого сложного? В первый день, допустим, будет и страшно. Болото. Ночь. Мысли об утопленниках. Но ко второму уже можно как-то свыкнуться с этим. Пить только нельзя, а то и сам чего доброго сгинешь. Держать себя в руках – это всё, что от него требуется. Разумеется, никто по завершении ритуала не воскреснет. Но кресты поставить – это как грех свой замолить. Камень с души – и свободен! И всё как обычно. Смена – выходной, смена – выходной... А может выйти так, что и немного другой камень на шею? Что там ещё за дядя Боря такой, который должен всё объяснить? От науки какой-то. Какой такой науки? Болотография? Болотоведение? Слыхом не слыхивал. Нет. Тут либо Александрыч по-настоящему сбрендил, либо напрасно не стал поступать в театральный, имея несомненный актёрский дар. Как же просто всё было и хорошо до вчерашней ночи. Почему человек никогда не ценит своего обычного счастья? Вопрос, на который не существует ответа. Может, жизнь – это что-то немного другое, а вовсе не простое, незамысловатое счастье. И нет на это счастье мещанское у человека никаких прав. Мучиться должен человек, страдать, откапывать из глубин насады своей аргументы. Андрей вспомнил, как, очнувшись на остановке, бросился было к дому Леры, чтобы непременно поговорить с ней. Он усмехнулся про себя. Надо же быть таким дурнем. Как дитя малое. Хорошо, что сообразил и вовремя вернулся домой. Про обещанные десять миллионов думать было по-прежнему неприятно. Ведь понятно, что бред. Раз ничего не найдём – значит и денег не жди. Издержки моральные Торквемада, конечно, оплатит. Но надо ли оно Андрею? Эта тайна, известная только им двоим, будет терзать не только его, но и Петра Александровича. Это уж точно. Тут и психологом быть не нужно. Не пришлось бы вообще искать себе новую работу, да как можно дальше от старой.

От одного окна до другого мимо Андрея летала муха. Видимо, её поражала меняющаяся каждую секунду панорама. А Андрей подумал, что это странно, что муха так вот поперёк движения летает, при том что ей ведь и вперёд вместе с маршруткой тоже двигаться нужно, чтобы не шмякнуться головой о заднюю аварийную дверцу. Совершеннейшая механика, продуманная природой. В отличие от этой колымаги.

Маршрутка крякнула и высоко подпрыгнула на каком-то ухабе. Сзади загремели пустые канистры, и люк сверху захлопнулся. Уже с утра подвыпивший пассажир покрыл шефа отборным матом, что-то бубня про бутылки. Шофёр на это никак не отреагировал, только чуть громче сделал радио на магнитоле. Там пели «Мальчик хочет в Тамбов».

Четыре часа добирались до двести шестьдесят четвёртого километра, у которого Андрею следовало сойти. Солнце стояло в зените. С севера медленным караваном наплывали фиолетовые тучи, предвещавшие дождь. Нужно было спешить. Кроме него, выходить здесь больше никто не собирался. Ну и хорошо. Собеседники ему сейчас ни к чему. Тянуло в животе; рюкзак, набитый вещами первой необходимости, показался тяжелее, чем утром. Андрей повертел в руках тетрадный листок, на котором карандашом был небрежно набросан план маршрута от поворота на Болотную до сторожки. Именно его Торквемада назвал картой. Особо жирно были выделены кресты, которые где-то на неведомых просторах следовало установить. А начало пути где-то тут. Андрей внимательно оглядел придорожные ели, выискивая поворот. Но ничего похожего даже на тропу нигде не имелось. Чуть дальше по забиравшей вправо дороге он заметил тощие железные стойки в форме рогатки. На одной из этих стоек, словно оборванная резинка, болтался и гремел от ветра скрюченный указатель. За столбами как раз и открылся нужный ему поворот. На оторванном указателе он смог прочитать только три буквы, перевёрнутые вверх ногами: «лоБ». Ага. То бишь при повороте на сто восемьдесят градусов – «Бол». А это то, что как раз нужно. Можно было сойти здесь, у поворота. Зачем было у километрового столба – непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.